

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАРПАТСКОГО РЕГИОНА: ГЕНЕЗИС ОСОБЕННОСТЕЙ (ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

За более чем полувековой период изучения карпатского региона лингвисты и этнологи убедились в том, что здесь происходили сложные, неоднозначные и нелинейные процессы. Литература по карпатскому языкознанию, включая лексикографию, лингвистическое картографирование, этимологию, этнолингвистику, внушительна (см. хотя бы библиографию, собранную И. Е. Можяевой [Можяева 1972, 1973, 1978, 1989], и обзор истории карпато-южнославянских исследований В. В. Нимчука [Нимчук 1988]).

Интерес к Карпатам не удивителен, регион принадлежит к одной из архаических зон расселения славян. Славянские племена, говорившие на разных диалектах праславянского, появились здесь не ранее III в. н. э. [Иллич-Свитыч 1960: 222]. «Приблизительно к IV в. славяне уже занимали обширный ареал от бассейна Одера на западе до бассейна центрального Днепра на востоке» [Бирнбаум 1986: 21]. Для этого раннего периода предполагают наличие языковых и культурных диалектов, в том числе диалектов мифологической системы, имевших в своей основе ряд общих мифонимов, составлявших наиболее древний пласт этой группы лексики.

За время пребывания на Карпатах не могли не произойти лингвокультурные изменения [Иллич-Свитыч 1960; Клепикова 1990; 1988; 1988a]. Часть карпатских инноваций вместе с миграционными потоками населения в VI–VII вв. была перенесена разными путями на Балканы. Так же очевидно, что из области северных Карпат примерно в

*Марина Михайловна Валенцова,
Институт славяноведения РАН (Москва)*

Авторская работа выполнена при поддержке гранта РНФ по проекту № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» (рук. акад. С. М. Толстая).

то же время славянские племена двигались и в других направлениях¹, в том числе на запад и северо-запад, на территорию современной Моравии, Чехии и Лужицы; древнелужицкие племена, переселившиеся с юга, должны были войти в область между Эльбой и Заале не позднее чем около 600 г. [Шустер-Шевц 1983: 41].

На внутренней территории, опоясанной Карпатскими горами, начиная с V в. славяне пришли в соприкосновение с германскими, романскими, фракийскими, иллирийскими, затем тюркоязычными (авары) племенами, а с конца IX в. с мадьярами. Позже, в XIV–XVI вв., заметными для славянской культуры и языка данного региона были валашская колонизация и с середины XVI в. — миграционные потоки балканского населения, бежавшего от турецких завоевателей. Эти иноязычные и иноэтнические элементы разного уровня и разного времени сформировали специфическую культуру Карпатского региона, отразились они, в том числе, и в мифологической лексике проживавших здесь славянских народов.

Этимологически в славяно-карпатской мифологической лексике выделяется славянская лексика (*мара, ночница, баба яга, упырь, знахарь* и др.) и заимствованная, прежде всего из венгерского языка, в связи с его многовековым статусом государственного языка в тех политических образованиях, в которые входили славянские народы, а также из румынского и немецкого. Заимствованные слова имеют практически тождественное значение в разных карпатских идиомах, поддаются инвентаризации (см. словари унгаризмов и румынизмов в славянских языках: [Hadrovics 1967–1984; Tamás 1966; Лизанец 1976; Décsy 1959; Rocchi 1999–2010; Dobrițoiu-Alexandru 2013] и др.)² и составляют яркую специфику региона на общеславянском фоне.

Карпатскую специфику имеют и некоторые славянские лексемы — либо общеславянские слова, изменившие исконную семантику (*волколак, упырь, богиня, (земной) бог, чернокнижник*), либо новые, образованные на Карпатах для обозначения собственных мифологических понятий (*двоедушник, градовник, хмарник* и др.). И те, и другие варьируют в разных традициях, сохраняя, тем не менее, общие для Карпат семантические тенденции. Смена значений и появление новой лексики, в свою очередь, обусловлена новыми мифологичес-

¹ «Yet they soon and rapidly expanded to the south, the west and the north-east, covering a vast territory extending from Greece in the south to northern Russia and central Germany» (Однако они (славяне. — М.В.) вскоре и очень быстро распространились на юг, на запад и северо-восток, покрыв обширную территорию, простирающуюся от Греции на юге до северной России и центральной Германии) [Birnbau 1998: 128].

² О германских заимствованиях в чешском и словацком языках с этимологическим анализом лексики см. [Newerklá 2004].

кими сюжетами и мотивами, которые также могут быть как трансформированными под влиянием новых географических условий славянскими представлениями (мотив непреднамеренности глаза; мотив выворачивания (видимости) внутренностей у мифологического персонажа (далее — МП) и др.), так и заимствованными (мотив двоедушия; мотив изменения роста МП и др.). Некоторые карпатские мотивы встречаются и на Балканах в более развитой, яркой или гиперболизированной форме. Вектор распространения лексики и поверий в карпато-балканском ареале требует специального изучения каждого отдельного случая.

Например, комплекс представлений о волколаке — о.-слав. **vlko(d)lak* ‘человек-волк, оборотень’ — принадлежит северноевропейскому региону (славяне, балты, германцы, отчасти кельты)³, мифоним распространен только у славян и балтов — во всей видимости, это славянское словосложение⁴, заимствованное в литовский [Fraenkel 1962–1965: 1253, Дукова 2015: 89], либо общее балто-славянское слово. В севернославянских, включая карпатские, традициях (польской, белорусской, украинской, также в словацкой, чешской и сербо-лужицкой) этот МП имеет значение ‘колдун, способный превращаться на время в волка’, ‘человек, насильно превращенный колдуном в волка’, ‘человек, вынужденный по своей природе оборачиваться на время в волка’.

В карпатских традициях с этим персонажем связываются также астрономические мотивы: превращение человека в волколака во время летнего и зимнего солнцеворота [ELKS 2: 309], в полнолуние (у словаков на Ораве — соб. зап., 2009), во время смены месяца (ср. гуцул. *mişячник* (*mişяшник*) ‘волколак’ в поверье, согласно которому некоторые люди способны превращаться в волка в тот час, когда пропадает старый месяц и появляется новый — [Хобзей 2002: 72–73]). У румын *vîrcolac* (аромун. *vurcolác, vurcoláci* ‘вампир, призрак’ — [Иванов 2007: 75]) — демон, поднимающийся в небо и пожирающий луну и солнце, виновник затмений. Румынский образ *вырколака* вообще демонстрирует большую вариативность: он выступает в виде змеи, ящерицы, червя, кошки, собаки, небесного зверя [Кабакова 1989: 135, 136].

Мотив поедания луны и солнца чрезвычайно древний. Согласно электронному каталогу мифологических мотивов Ю. Е. Березкина,

³ Понятие ликантропии в греческой и романской традициях отличаются от северноевропейского комплекса представлений.

⁴ В греч. *βουρκόλαχος, βρουκόλαχος* и под. ‘вампир’, румын. *vîrcolác, vârculác, virgolác* ‘волк-оборотень, в которого превращается умерший некрещенным ребенок’, албан. *vurkollák, vurvollák*, диал. *vrkollak*, аромун. *vurculác, vîrcólac, vurcólac*, тур. *vurkolak* — признаются заимствованиями из славянских языков, в том числе через греческий [Дукова 2015: 92].

мотив А.12. «Затмения: нападение чудовища» известен индоевропейским, финно-угорским, тюркским и другим народам мира. Но у германских, романских и славянских народов виновником затмения является именно «волколак» — нем. *solulf, wehrf-wolf (sonnen-wolf)*, швед. *solvarg*, фр. *loup-garou*, румын. *вырколак* (т. е. *vircolác*. — М. В.), слав. (ю.-слав., ст.-слав.) *врколак* [Березкин, Дувакин].

На Балканах у *волколака* утвердилась новая семантика — ‘вампир’ (через смешение персонажей *упырь* и *волколак* — видимо, под тюркским влиянием), хотя местами сохранилось и старое значение: словен. *volkodlak* ‘волк-оборотень (человек, на которого наложено проклятие быть волком до тех пор, пока его не освободят)’ [Pleteršnik II: 785], босн. *vukodlak*, словен. *volkodlak* ‘волк-оборотень’ [Плотникова 2016: 199–200]⁵, а также, по данным Л. Раденковича, в верованиях и преданиях из Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины. Интересно, что в поверье из Требиня способ, каким женщина обернулась волком, аналогичен подобным превращениям в Полесье: «положила веревки в круг, сняла с себя одежду и бросила внутрь круга, потом трижды перекувырнулась через голову. Таким же образом позже обратно превратилась в женщину» [Раденковић 2009: 280].

Изменение славянских верований и их терминологии на Карпатах, связанное, в том числе, с иноэтническими влияниями, подробнее проследим на примере одного из наиболее характерных карпатских персонажей — облакопрогонника.

Собственно, метеорологическая магия (вызывание дождя, защита от града, бури и т.п.) является органичной частью общеславянских представлений о природе. «Градоотгонная» магия распространена в очень сходных формах практически во всех славянских традициях: это превентивные (соблюдение запретов или совершение ритуальных действий в определенные календарные праздники), пассивные (выбрасывание во двор во время града печной утвари, острых орудий, зажигание освященной или покойницкой свечи и т. п.) и активные (закливание, махание на тучу ритуальными или освященными предметами, крик, шум, стрельба) способы защиты от градоносных туч [Толстой 1995: 536–537]⁶.

Активные способы защиты от града распространены преимущественно в карпатских и балканских традициях; в центре этих сюже-

⁵ См. также географическую репрезентацию значений лексемы **vukodlak* (и ряда других) на южнославянской территории — карта № П-3-2 «Вампир, ходячий покойник: названия, типы», показывающую в том числе распространение значения ‘волк-оборотень’ в западных регионах Южной Славии [Плотникова 2004: 634–645].

⁶ Сопоставление ритуалов и магических практик защиты от града в разных славянских традициях дано в статье [Толстые 1982].

тов — облакопрогонник, который, как правило, защищает всю общину, а не только свои поля.

Записи о людях, имеющих силу воздействовать на погоду, известны и в Полесье, правда, у этих персонажей нет специального названия (*дед, стара пани, один, который знает*), изредка это *знахарь, колдун* и т.п. Эти «знающие» отгоняли град маханием на тучу палкой, которой разняли змею и лягушку, черным платком, шапкой; закрепощиванием тучи хлебной лопатой; при этом произносили молитвы и приказывали тучам расходиться [Виноградова, Левкиевская 2010: 472–475]. Но таких представлений в Полесье немного, чаще информанты вспоминали только, что такие люди были [Толстые 1982: 56, 67, 68]. Об их «западном» происхождении (если только основным мотивантом не послужил концепт «чужой») мог бы говорить сюжет о «знающем» чехе, пахавшем землю, который научил повернуть волов рогами к туче и заставить ее предводителя Илью высыпать град в ров [Виноградова, Левкиевская 2010: 473], — сюжет, который вписывается в поверья об особом магическом знании инородцев вообще.

Близка полесской градоотгонная магия в моравской традиции, в которой, однако, функции облакопрогонника приписываются либо знахарю, либо особому специалисту: *božec, bohoň, zaklínač* (валаш. — [Sobotka 2005: 7–8]), *zařikávač, zařikač*, который с помощью тайных заговоров, трав и специальных книг умел отводить градовые тучи (*vodit' mračna*) [Václavík 1930: 432], *zaklínač*, или *vodič mračen* [Zíbrt 1894: 122], чеш.-морав. *krupovidač* ‘заклинатель, тучеводитель’ [Kott 7: 1306], *krupovodič* ‘кто отводит, прогоняет (градовые) тучи’ [Kott 6: 755], *zaklínač mračen* «заклинатель туч» или *sváděč krup* «отводящий град»⁷. Свои заклинания знахарь читал из (черной) книги, и этот факт сближает его с польскими, словацкими и украинскими «чернокнижниками»⁸, т. е. учеными монахами, а следовательно и с латинской христианской культурой.

Еще более специализированная и разветвленная система магического отвода бури и града функционирует в карпатоукраинских поверьях об облакопрогонниках, называемых *градівник, градобур(ник), планета, планітник, тучник, хмарник* [Тяпкина 2006: 59], *бурівник* [Гнатюк 1904: 253], *борéць б́ури* ‘человек, который может управлять бурей и отворачивать грозовые тучи’ [ГС: 642–643], *градяник* ‘градовник, чернокнижник — те, что от града’ [ГС: 93, 200], *вітрениця* ‘ветряная ведьма’, которая может портить погоду, красть дождь [Тяпкина 2006: 43; Хобзей 2002: 90–93, 154], *вітреник* — одновременно и демон, управляющий змеем-шарканем, и человек-облакопрогонник,

⁷ Подробнее об этих сюжетах см. [Валенцова 2017].

⁸ О чернокнижнике см. [Белова, Виноградова 2012: 51–513].

защищающий село, пользуясь слепотой шарканя [Левкиевская 1999: 151]. Как земной знахарь (*землений бог, непростий, градівник* и т. п.) облакопрогонник противопоставляется духам (как правило, душам «заложных» покойников и умерших новорожденных), приводящим (несущим) градовые тучи. Он заставляет эти души, которые просят пропустить их и стонут от тяжести туч, высыпать град на леса, горы, на другие края [ГС: 236, 284]. Двойственную функцию выполняет гуцул. *чорнокнижник* — это и ‘тот, что бурей управляет, может отворачивать градовые тучи’, и ‘тот, кто град делает’ [ГС: 496, 644], а также *планетник*, или *пленета* — ‘чорт, дидько’, живущий в Змеином озере в Черногоре и производящий град [ГС: 470].

Среди карпатоукраинских материалов есть и такие, которые составляют параллели к полесским и моравским быличкам, например: один *буріўник* умел, выйдя навстречу туче, перекрестить ее и произнести заклинание — тогда туча распадалась на части (галиц. — [Гнатюк 1904: 253]). Как и в Полесье, облакопрогонник может называться описательно: *той, що бурі відвертає; той, що хмари розганяє; той, що дощ затирає* [Левкович 2012: 56], *чоловік, що бурев орудує* и др.; он тоже разгоняет тучи палкой, которой отогнал ужа от лягушки (гуцул. — [ГС: 642–643]). Аналогию полесским и сербским тучам-говядам (коровам / быкам)⁹ представляет образ туч-баранов в галицкой быличке о том, как некий человек пришел просить у старосты разрешения прогнать через село своих баранов — вместо этого через село прошел град [Гнатюк 1904: 207–208]. Также в бойковской быличке тот, что вел град, пришел к облакопрогоннику, спрашивая: «*Куда я маю піти зо своїми стадами?*» — и *хмарник* дозволил ему идти пустырями и лесами [Левкович 2012: 56].

В севернословацкой традиции образ облакопрогонника практически слился с демоном бури, называемым *čiernokňazník, planetník, chmurník, chmarník, veterník* [ELKS 1: 72]. Этот демон летал на драконе, с помощью которого управлял тяжелыми тучами, замораживал воду и вызывал бурю и град. В поверьях он предстает чародеем, знающим черную магию, которой научился по Христофовой книге [ELKS 1: 72–73]. Он летает в черных облаках или на драконе, вызванном заклинаниями из пещеры [Slovensko 1975: 1029], чернокнижника считали злым духом бури, показывающимся в виде черной коровы или черной курицы (Кисуцка долина — [Sborník 1927: 177]). Появляясь

⁹ Сербские заклинания от града из зоны Драгачево, в которых обращаются к утопленнику или висельнику из села с просьбой отвести своих «белых говяд», «свой скот», «свое стадо» от сельских угодий, повернуть их в пустынные места — см. в [Толстые 1981: 55]; см. также о тучах-говядах [Толстой 2003: 253–266].

на земле в виде высокого мужчины в черном, изорванном молниями, плаще, или в образе нищего, он просит только молоко от черной коровы или козы, чем его можно умиловать, иначе он наведет на поля град и бурю [Dobšinský 1880: 114]. Хорошему человеку или тому, кто угостит его молоком от черной коровы, он мог подсказать, как уберечь урожай, или предупредить о буре. Верили, что над каждым краем в тучах живет один планетник [Blagoeva-Neumanová 1976: 82–83; Horehronie 1969: 334].

Словацкий образ черной коровы¹⁰ как ипостаси чернокнижника реализует общеславянскую метафору градовых туч. Мотив молока от черной коровы (козы) и яиц от черной курицы, которые пьет и ест планетник (чернокнижник), и которые являются оберегом от бури и града¹¹, имеет параллель в полесском обряде, по которому «с черной коровы молоко на окна ставляли, як гроза» (Хильчицы, гомел. — [Толстой 2003: 259]) и в болгарском поверье о том, что гром и молния (= змей *хала*) выпивает мед у пчел и молоко у коров [Георгиева 1993: 112]. Объяснение апотропическому значению (молока) черной коровы содержат сербские мифологические представления о противоборстве черных и белых говяд «как метафоре градобития» [Толстые 1981: 113].

Аналогичные словацким былички, образы и мотивы представлены в южнопольской традиции. Здесь управление тучами приписывается людям с демоническими свойствами, чаще всего называемым *planetnicy* или (локальные названия) *chmurnicy*, *obłocznicy*, *czernoksiężnicy*, *trzymacze chmur*, *przewodnicy* и *rozganiacze chmur*, *czarownicy od chmur*, *chmurotwórcy* (жешов. и люблин.), и лишь изредка — овчарам, знахарям и старым девам [Peřka 1987: 66, 68]. Такой полудемон способен не только отвести град от своего села, но и водить градовые тучи по своему усмотрению, подниматься («втягиваться») в тучи при их приближении или пребывать в них постоянно, временно попадая на землю и проживая в селе; на земле он появлялся в виде странника в черном одеянии (или странствующего монаха), который ест только яйца от черной курицы и пьет молоко от черной коровы. Того, кто не даст ему требуемого, он наказывал, насылая на его поля град.

¹⁰ В большинстве сербских заклинаний градовых туч «небесный скот называется белым говядом, стадом, овцами, волами, а земной — черным», однако в с. Алия Поток западнее Драгачева «в вопле-отгоне фигурируют черные небесные говяды, а не белые» [Толстые 1981: 55]. Подобная инверсия, вызванная, помимо прочего, символикой черного цвета, представлена и в словацких поверьях.

¹¹ По словацким поверьям пожар, возникший от молнии, тушили молоком черной коровы, бросали в огонь яйца от черной курицы [ELKS 1: 52].

Карпатские трансформации образа облакопрогонника — превращение его в демона или полудемона, не характерные для славянских традиций к северу от Карпат, но представленные и развитые в южнославянских, дают основания искать их истоки в карпатских неславянских традициях, в первую очередь в восточнороманской.

У румын персонажи, занимающиеся метеорологической магией, называются *соломонари/шоломанари* (*solomonar, șolomănar* — ‘путешествующий через тучи’, знахарь-полудемон). В этом персонаже в конце XIX в. смешались образы облакопрогонника и атмосферного демона непогоды; однако на Буковине и в некоторых зонах Трансильвании они сохранили различие: *соломонари* как демоны противостоят *контрсоломонарям*, или *градовникам* (*grindinar*, народный ворожбит, «прогонщик туч»). *Соломонар*, как и словацкий, польский, карпатоукраинский *планетник*, *чернокнижник*, венгерский *garabantzás Diák*, хорв. *graboncijaš dijak*¹² — летает верхом на драконе и управляет градовыми тучами, варит в тучах лед; свое знание он получил в семилетней школе, где дьявол учил его волшебствам и гаданиям; он ходит по селам и просит милостыню [Мойсей 2006: 254]. Как отмечает Антоний Мойсей, на Буковине слияния названных образов не произошло благодаря контактам восточнороманского населения с восточнославянским. Автор приводит также румынские поверья, имеющие славянские параллели, например: «*градовники* выходили на край села, приговаривая заклинания, отворачивая град в безлюдные места при помощи ветки лещины. Если *соломонари* не подчинялись их воле, *градовники* резали тучу накрест косами — в результате *соломонар* верхом на драконе падал на землю, сверху на него рушился весь лед» [Мойсей 2006: 257]. В этом поверье узнаваемы и магическое орудие отгона (ореховая ветка аналогична используемой у славян палке, которой разнимали ужа и лягушку), и размахивание косою навстречу туче¹³. Упомянутые действия румынских *градовников* имеют очень давнюю традицию: упоминания о «прогонщиках туч» (*nubifugus*) и о практике «грозить небесам

¹² Хорв. *graboncijaš dijak* известен только у градищанских хорватов, заимствовавших образ и лексему из венгерского [Плотникова 2016: 133], см. также другие варианты терминов и связанные с ними верования: хорв. диал. *grebencijaš*, венг. *garboncás diák, barboncás* [Там же: 159–160].

¹³ Выбрасывание во двор острых, режущих и колющих орудий характерно для всех славян — чтобы пресечь, остановить град (верили, что град рассекается в дождь). «Нередко сербский крестьянин в прошлом крестил градовую тучу и замахивался на нее косою...» [Толстые 1981: 61]. В Чехии засвидетельствовано махание мечом навстречу тучам, несущим бурю [LK 2: 57], в Словакии в области Шариш против града высовывали из окна топор и косу, в области Спиш выбрасывали во двор вилы, чтобы тучи разорвались [EJKS 1: 283].

окровавленными топорами» найдены А. Мойсеем у римских авторов I и IV в. н. э., а у восточных романцев впервые упоминаются в середине XVII в. [Мойсей 2006: 258, сн. 3].

Если градоотгонные действия с помощью острых предметов следует признать универсальными, архетипическими¹⁴, то конкретные поверья об облакопрогоннике-знахаре или о профессиональном облакопрогоннике, актуальные в карпатском регионе (у румын, карпатских украинцев, мораван) являются, по-видимому, романским элементом метеорологической магии, распространявшимся в Средние века и особенно — в период валашской колонизации.

В формировании образа карпатского облакопрогонника приняли участие также финно-угорские элементы верований, например известные по описанию венгерского колдуна *талтоша*, который «во время грозы исчезает в туче или уносится в виде вихря в небо» (ср. аналогичные польско-словацкие верования), который может превращаться «в коня или быка и сражаться в таком виде с другим *талтошем*» (ср. сербские сюжеты о борьбе «своего» и «чужого» *змая*), а в виде коня-талтоша помогает герою сказки сражаться с драконом-шарканем [Петрухин 2003: 427]. Эти венгерские поверья, переплетенные с архаическими славянскими мифологическими элементами, более заметны в словацких и южно-польских представлениях о предводителях грозовых туч, т.е. на территориях, входивших в состав Венгерского государства, позже Австро-Венгрии (1000–1918), границы которого постоянно менялись.

Комплекс рассмотренных мотивов и поверий включен также в образы южнославянских персонажей, воздействующих на погоду, называемых *облачар*, *градобранитель* (серб.), *здуваћ*, *стуха* (черногор.), *кр(е)сник* (хорв., словен.) [Плотникова 2013: 54, 58], а ряд мотивов в разной мере включен в образы демонов, управляющих градоносными облаками: *хала*, *аждаја*, *ламја*, *водени бик*, *змај*, *вила*, *ђаво* [Раденковић 2001: 446]. Этим персонажам, связанным с ними сюжетам и терминологии посвящен ряд специальных работ (например [Толстые 1981; Раденковић 2001; Плотникова 2000; 2004; 2006; Бјелетић 2002; 2004] и др.).

Можно говорить о том, что славянские верования и магические действия защиты от града на Карпатах и Балканах были значительно обогащены романскими и венгерскими элементами¹⁵.

¹⁴ Если только этот факт не является этнолингвистическим подтверждением соседствования протославянских и протоиталийских племен в северной Европе в период древнейших миграций индоевропейцев (ср. о северной прародине италийцев в: [Кузьменко 2011: 148–149, 151]).

¹⁵ На Балканах также тюркскими (например, сюжеты о демоне-защитнике локуса), греческими, иранскими, албанскими.

Под венгерским влиянием появился и другой яркий карпатский мотив — **двоедушие** демонов, в том числе погодных, или людей с демоническими свойствами¹⁶: у венгров, как у других финно-угорских народов, широко распространено представление о двух душах — душе-дыхании *лелек*, покидающей тело после смерти, и душе-тени, которая путешествует вне тела во время сна [Петрухин 2003: 435; Moszyński 1967: 590–591].

Влияние венгерских и восточнороманских традиций не ограничивается мифологическими и метеорологическими представлениями, оно особенно заметно и в соответствующей лексике славянских диалектов Карпатского региона, отчасти уже рассмотренной выше. Некоторые мифонимы имеют широкое распространение и даже выходят за границы исследуемого ареала («босорка», «стрига», «шаркан»)¹⁷, другие — более узкое («дюг», «бетяг», «фрас») или даже локальное («фена») бытование. Основная часть мифонимов (названий МП или персонифицированных болезней) заимствована из венгерского языка, что объясняется его высоким статусом в Карпатском регионе на протяжении долгого времени. Романские заимствования принадлежат в основном к пастушеско-животноводческой лексике¹⁸, среди мифонимов их меньше: *стрига* (о которой ниже), *гарабанциаш* ‘чернокнижник’ (венг. *garaboncias*, *garbonciás*, *bargoncias*, *barboncás*, серб. *грабанцијаш*, словен. *grabancijaš dijak*)¹⁹, общеславянские *драк(он)*, *Люцифер* и под. Нередки и германские заимствования в языках региона, например: *Berggeist*, *Bergmann*, *Wasserman*, *Schrat*, *Schrätzmännel*, но они характерны не исключительно для карпатской, но и для ряда других контактных славяно-германских зон (польско-, лужицко-, чешско-, словацко-немецких (австрийских)).

В помещенном ниже алфавитном списке заимствований, появившихся в карпатском регионе, обобщается имеющийся материал словарей, атласов и исследований и отчасти дополняется новыми данными.

[†]**betAG**²⁰: **словац.** *betah*, *bet'eh*, *betäh* ‘злое существо, приносящее болезнь; демон, дьявол; эпилепсия; водянистая кровь с гноем; больной человек’, **хорв.** диал. *beteg* ‘болезнь’, **словен.** *beteg*, *betež* ‘боль, мучение’, **карп.-укр.** *бетегь*, *бетюг* ‘болезнь’, *бетегга* ‘болезнь; никчемный человек’; **румын.** *beteg* ‘болезнь, больной’.

¹⁶ Подробнее см. [Валенцова 2016].

¹⁷ Здесь дается условное обозначение терминов, которые будут представлены ниже в аутентичном виде.

¹⁸ О румынских заимствованиях см. [Клепикова 1982; 1998; 2004] и др.

¹⁹ Из ит. *gratanzia* < *scaramanzia* < *scaramansia* < *negromanzia* ‘колдовство’ [EWU: 446].

²⁰ Заглавные буквы обозначают аллофоны.

Из венг. *beteg* ‘больной’ [Rocchi 1999: 40]. Единично в пол. *beteh*, укр. *bét’ix*, *be’ižnyj*, *betéha*, з.-румын. *beteag*, *betegos*, молд. диал. *betjág* [Клепикова 2008: 209].

⁺**BOSOR-**: словац. *bosorka*, *bosurka* ‘ведьма’, ‘злая женщина’, ‘ночная бабочка’; редк. ‘большая жаба’; ‘вихрь, водоворот’; *bosorák*, *bosorkáň*, *bosor*, *bosor(k)oš*, *bosurkoš* ‘колдун’, *bosorák*, *bosorkáň* ‘ночной мотыль’, *bosorča*, *bosurče* ‘ребенок босорки’; *bosorča* ‘ребенок, которого по отлучении от материнской груди вновь стали кормить грудью’; орав. *bosárka* 1. ‘ведьма’; 2. ‘сказочный персонаж устрашающего вида, наводящий порчу, более слабый, чем *богинка*’, *bosorka* ‘ведьма’, (*po*)*bosárzič* ‘околдовывать кого-л., делать вред кому-то с помощью злых сил’ — глагол, образованный уже на польской почве; ю.-пол. подгал. *bosiorka* ~ *bosorka* ‘ведьма; прозвище для женщины’ и спиш. *bosiorka* ‘ведьма’ — из словац. *bosorka* (в XVII в.) ‘ведьма’, которое в свою очередь из венг. *boszorkány* (1552) id. или венг. диал. *boszorka* (1798) [Németh 2008: 34], *vozokák*, *vozorka* [Зайцева 1975: 274]; пол. *buosorka*, *baśorka*, *basorka*, *baśorkyňa*; *bisurkania* ‘ведьма’ (саноц.-кросн.) [Pełka 1987: 207]; морав. *bosorka*, *bosora* ‘дикая женка, злая колдунья’, *bosorák* ‘злой колдун’, ‘человек, который засиживается долго ночью’; *bosorča* ‘ребенок босорки, которого она подбросила в колыбель’; чеш. (< словац.): *bosorka*, *bosorkyně*, *bosořice* ‘ведьма’, *boz(k)orka*; карп.-укр.: *босорка*, *босорканиа* ‘ведьма, колдунья’, ‘жаба’; *босирка*, *бісурка*, *бісурканиа*, *борсуканиа*, *босурганиа*, *босюрканиа*, *бусурканиа*, *пошурканиа* ‘знахарка, ведьма’, *босорканиа* ‘ночной мотылек’, ‘жаба’; *босоркун* ‘упырь’, *bosorkán’a* ‘ведьма, колдунья’, детск. ‘стрекоза’, *bośorkin* ‘колдун, ведьмак’; русин. *босорканиа* ‘ведьма, колдунья’; *босоркун* ‘колдун, оборотень; ведьмак’; *босорак*, *босорош*, и др. [Хобзей 2002: 47–48; Тяпкина 2006: 43; Зайцева 1975: 274]; словен. *bosaruna* ‘ведьма’ [Kropej 2008: 315]; румын. *bosorcoi* «босоркой» — один из видов оборотней, главным образом, в фольклоре Трансильвании [Свешникова 1998: 198], распространено близ границ с Венгрией (Уточа, Бихор) и Украиной (Марамуреш) [Усачева 2008: 172].

Займствование из венг. *boszorkány*, первоначально ‘дух умершего, привидение’, потом ‘ведьма’ и под., далее из тюрк. **basyrkan* ‘мора’, от *bas-* ‘давить’ [Machek 2010: 61]). Словац. *bosorka* формально могло бы быть заимствовано из венг. вар. *boszorka* (1798), но по хронологическим причинам в этом случае надо признать обратное заимствование из словацкого в венгерский. Венг. *boszorkány* при заимствовании в словацкий было осмыслено как существительное м. р., поэтому была «восстановлена» форма ж. р. *bosorka*, от которой вновь образовано сущ. м. р. *bosor*. Словац. *bosorkáňoš* ‘колдун’ в венгерском является прилагательным: *boszorkányos* ‘магический’ [Rocchi 1999: 49–50].

[†]**DuG:** **словац.** *dug* (с XVIII в.), *diuk, d'uk* ‘эпизоотия, болезнь свиней; сухая слизь; сухой навоз на ногах скота; шум, гам; дьявол, черт (в проклятиях)’, *deg* ‘грязь’; **пол.** диал. *dziuk, diuk*; **укр.** диал. *дюк, дюг* ‘демон, злой дух; болезнь домашнего скота’; **румын.** *diug* ‘падаль; бездельник, лентяй’ [Rocchi 1999: 82]. **Укр.** бойк. *дюг* ‘упир’ (< пол. *dziug* ‘то же’) [Тяпкина 2006: 107].

Из **венг.** *dög* ‘болезнь, эпидемия’, соврем. ‘дохлятина, падаль’ [Rocchi 1999: 82].

[†]**fenA:** **словац.** *fena* ‘черт’, **карп.-укр.** *фена*, **румын.** *fene* ‘то же’. Из **венг.** *fene* ‘дикий, страшный, ужасный, проклятый’, ‘зверь; язва, зло, гангрена; черт (в проклятиях)’ [Rocchi 1999: 90].

[†]**fras:** **словац.** *fras* ‘дьявол, черт (в проклятиях)’, **карп.-укр.** *фрас* ‘то же’, **румын.** диал. *fras* ‘эпилепсия’ (в румын. возможно и из немецкого); **ст.-словац.** *fras(a)* (XVII в.) — напрямую из немецкого. Источник — **венг.** *frász* ‘эпилепсия’, совр. употр. — в проклятиях [Rocchi 1999: 106]. **Пол.** орав. *ki fras* < *kiz ta fras* ‘эмоциональный вопрос о причине необъяснимой ситуации’; в Подгале употребляется *ki fras* в значении ‘какого черта (со do licha)’, в спишских говорах *fras* ‘черт’. Основное значение в **словац.** — *fras* ‘черт (в проклятиях)’, употребляется в оборотах, подобных оравским: *Ký fras kopasný! Kieho frasa! Do frasa! Bodaj ta fras vzal!* [Németh 2008: 70].

[†]**STRIG-:** **словац.** *striga* ‘ведьма’, ‘ночное видение’, ‘ночная бабочка’, ‘злая, сварливая женщина’, *strigon, strigôň* ‘колдун’, з.-словац. *striga* ‘упырь (вампир)’ [ОКДА 4: 40]; **морав.-словац.** (ок. Грозенкова) *striga* ‘ведьма’ [Machek: 582], тешин. *střiga* ‘злая женщина’, ‘упырь’ и ‘любопытная девушка’, *střigůň* ‘любопытный человек’, опав. *sřiha* ‘ведьма’ [Vážný 1955: 89]; **пол.** *strzyga, strzyg, strzygoń* ‘вампир’, *strzyga* ‘жигалка обыкновенная’ (муха) [Vážný 1955: 88], пол. подкарпат. *ščyga* ‘колдунья, ведьма’, ю.-пол. *ščyga* ‘упырь (вампир)’ (Подгале), *ščšyga, ššygoj* ‘оборотень, нечистая сила, ночное видение’, ‘злая, сварливая женщина’; пол. *stšyga* ‘живая, подвижная женщина’ [ОКДА 4: 40], пол. подляс. *strzyga* ‘упырь, занимающийся, якобы, по ночам заплетанием гривы коням’ [Maryniakowa et al. 2014: 232]; **укр.** **лемк.** *striga* ‘колдунья, ведьма’; укр. (молд.) *strigojka* ‘злая, сварливая женщина’; укр. *strega* ‘овца, отбившаяся от стада’, ‘ребенок, род-ся 7-месячным и умерший’ [ОКДА 4: 40], подкарпаторус. *striga, sriga* = босорка = ‘жаба’, ‘ведьма’ [Vážný 1955: 89], укр. (< молд.) *спруго́йка* ‘гибкая палочка’ (‘магическая палочка, использованная в разных детских играх’ < ‘ведьма’), заимствование из вост.-роман. яз. [ЕСУМ 5: 440–441]; **рум.** *strigoj* ‘седьмой (или девятый) сын, родившийся с хвостом’, ‘(женщина) с хвостом, которую обливали водой, чтобы пошел дождь’; рум. (молд.) *strigoj* ‘упырь’, ‘оборотень’; ‘нечистая сила, ночное видение’, ‘колдун’ [ОКДА 4: 40], *strigă* также ‘сова, филин’, ‘ночная бабочка’, **арум.** *strigă*

‘ведьма’ [Клепикова 1994: 94], румын. *striga* ‘ведьма’, ‘бабочка «мертвая голова»’ [PPC]; м: *strigoi*, *strigóiu*, *strígóiu*, *stregoi*; ф: *strigoaică*, *strigoaie*, *stregină* ‘оборотень’, ‘вампир’ [Свешникова 1979: 217]; алб. *shtrigë* ‘персонаж поверий (в виде старухи), приносит людям зло’; алб. черногор. *штрига* ‘ведьма’ [ОКДА 4: 40], алб. диал. *štrige* [Клепикова 1994: 94]; серб. черногор. *striga* ‘злая, сварливая женщина’ [ОКДА 4: 40]; с.-х. диал. *striga* ‘ведьма’, ‘ночная бабочка’ [Vážný 1955: 89]; хорв. *štriga* ‘ведьма, колдунья’ [Клепикова 1994: 94–95]; *štriga*, *štrigna* ‘ведьма’ [Плотникова 2004: 649], *štrižica* (Истрия) ‘вештица’, ‘ночная бабочка’ [Vážný 1955: 89]; словен. *štrija* ‘ведьма’ [Плотникова 2004: 648] *strigōn* ‘то же’ [Клепикова 1994: 94], *štriga*, *štrija* ‘ведьма’, *štrigōn* ‘высасывающий кровь, упырь’ [Vážný 1955: 89]²¹.

Займствование из румын. или ит. *strega* ‘колдун’ и др., ит. диал. *striga*, *stria*, *striye* ‘то же’ < лат. *strix*, *-gis* далее из греч. στρίγγα, др.-гр. στρί(γ)ξ ‘сова’ [Клепикова 1994: 94–95].

⁺**šarkaN**: **словац.** *šarkan* (в.-словац., из венг.) 1. сказочное существо, приносит (летом) бурю и гром, крылатый дракон, *šarkan preletel*; 2. домовый-hospodáříček, *šarkanie mlieko* ‘самогон, паленка’, *šarkanový* = драконий [Kábal: 669]; *šarkan* ‘летающий змей, олицетворение бури’, “*šarkan preletel*”, представляют в виде змея [Dobšinský 1880: 116]; *šarkan* [EAS: 84, карта 9]; **морав.** *šarkan* ‘какое-то злое существо, чудовище с длинным хвостом’, словац. и морав. *Šarkan* — название горы (в районе Братиславы) [Kott 8: 399]; **укр.-карпат.** *шаркань* ‘летающий змей, поедаящий солнце, которое от этого уменьшается’ [Гура 1997: 286], слепой дракон, предводительствующий бурям и граду, его ведет «ветряник» [Гура 1997: 291–292]; **лемк.** *шаркан* ‘сильный ветер, буря’ [Гринченко: 486]; **пол.** *siarkan* ‘многоголовый крылатый дракон’ [Санникова 1990: 110]; хорв. (славон.) *šarkanj* ‘летающий змей, водящий градовые тучи, шаркань’ [Плотникова 2013: 53–54], **с.-х.** *шаркань*, возможна семантическая аттракция с *шарка змија* (термины сообщены Л. Раденковичем), **болг.** *шаркань* (Банат) ‘летающий змей’, битва двух шарканей вызывает ливень [Гура 1997: 289], румын. *șărcăn* ‘летающий змей, предводитель грозовых туч’ [Плотникова 2013: 53].

Займствование из венг. *sárkány* ‘дракон’ [Király 1957: 102].

⁺**táLtoš**: **словац.** *tátoš(ik)*, *tátoš* ‘захудалый сказочный конь, обычно золотой или огненный’ [Kábal: 709]; *Tátoš*, -а, т — 1. (в сказках) конь-огонь; 2. экспр. резвый, ретивый, быстроногий конь [VSRS: 34]; *tátoš* ‘человек с врожденной силой’ [EAS: 84, карта 10], ю.-з.-словац., смешанное словацко-венгерское население); *tátoš*, *tátoš* ‘волшебный конь; дикий, быстрый конь’, у А. Бернолака также ‘*proteus, vertumnus*,

²¹ Подробнее о лексеме см. [Валенцова 2012: 347–353].

magus, praestigiator' [хитрец; непостоянная натура; маг, жрец; фокусник, обманщик]; **чеш.** *tátoš* 'сказочный конь', **пол.** *Tatok, tatas* 'волшебный конь в венгерских сказках'; **укр.** *tamou* 'жрец (в языческих культурах); волшебный конь' < **венг.** *táltos, tátos* 'шаман, чародей', 'магический конь' [Roschi 2010: 61]. **С.-х.** *tamou* 'мифическое существо, которое предводительствует тучам' (Срем, Бачка, Баранья, сербы в Венгрии — [Раденковић 2001: 449, 451]). Ср. венг. *taltoш* 'шаман', родится в новолуние с зубами или с волосатым телом; в семилетнем возрасте во время грозы исчезает в туче или уносится в виде вихря на небо; может защитить свое село от чужого чародея; талтошем в сказках может называться и волшебник, и чудесный конь — помощник героя [Петрухин 2003: 427].

Слово, видимо, было заимствовано в славянские языки в разное время: в словацких сказках прижился образ *tátoša* — волшебного коня, а у сербов и хорватов — образ облакопрогонника, более близкого исходному образу колдуна. В южнославянских верованиях много сходного с описанием венгерского талтоша, например: во время грозы в тучах сражаются «свой» и «враждебный» чародеи, и победа «своего» приносит хороший урожай; *taltoш* может превратиться в коня или быка и сражаться в таком виде с другим *taltoшем* (см. [Петрухин 2003: 427]).

Тема изоглоссных связей карпатской мифологической лексики и связанных с нею мотивов и сюжетов остается актуальной для исследования как с южнославянским, так и с севернославянским вектором. В частности, перспективно ее сопоставление с моравской, чешской, серболужицкой традициями (сформированными, как считают, одновременно с карпатским потоком славянских миграций на запад), а также с западноукраинской, полесской, восточнопольской (подляской), белорусской традициями — предположительно исходных ареалов распространения славянских племен на Карпаты. На основе такого разностороннего этнолингвистического сопоставления славяно-карпатских традиций можно будет судить об инновациях времен карпатской миграции славян²². Необходимым условием при этом является вычленение в карпато-балканских верованиях иноэтнических заимствований и влияний и наоборот, заимствований из славянских языков и верований в неславянские. Подобные исследования должны быть многоаспектными и проводиться с учетом хронологической динамики, так как обе стороны сравнения постоянно и непредсказуемо менялись на протяжении веков и меняются до сих пор в историческом, языковом, социальном, культурологическом планах.

²² П. В. Шувалов на основании информации письменных источников, отмечавших «привычность склавинов и антов к труднопроходимой гористой местности», считает, что это «может указывать на относительно длительное пребывание их предков в Карпатах» [Шувалов 1998: 9].

Литература

- Березкин, Дувакин — *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>.
- Бјелетић 2002 — *Бјелетић М.* Духовна култура словена у светлу етимологије: јсл. *(x)ала* // *Dzieje Słowian w świetle leksyki*. Kraków, 2002. S. 75–82.
- Бјелетић 2004 — *Бјелетић М.* Јужнословенска лексика у балканском контексту. Лексичка породица именице *хала* // *Balkanica XXXVI* 2003. Belgrade, 2004. S. 143–155.
- Бирнбаум 1986 — *Бирнбаум Х.* Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции / Пер. с англ. С. Л. Николаева, вступ. ст. В. А. Дыбо. М., 1986.
- Валенцова 2012 — *Валенцова М. М.* Из карпато-балканских схождений в области мифологической лексики // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах*. М., 2012. С. 345–362.
- Валенцова 2016 — *Валенцова М. М.* Мультипликация души: славянские поверья о двоедушниках // *Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. Т. 1. *Dusza w oczach świata*. Warszawa, 2016. S. 487–499.
- Валенцова 2018 — *Валенцова М. М.* Моравская демонологическая лексика. Краткий обзор // *Славянский альманах*. № 1–2. М., 2018. С. 234–260.
- Виноградова, Левкиевская 2010 — *Виноградова Л. Н., Левкиевская Е. Е.* Народная демонология Полесья. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами. М., 2010. С. 472–475.
- Георгиева 1993 — *Георгиева И.* Българска народна митология. София, 1993
- Гнатюк 1904 — *Гнатюк В.* Знадоби до галицько-руської демонології // *Етнографічний збірник*. Т. XV. Львів, 1904.
- Грінченко — *Словарь української мови*. Зібрала редакція журналу «Кієвская Старина». Упорядкував, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Т. IV. Київ, 1909.
- ГС — *Хобзей Н., Ястремська Т., Сімович О., Дидик-Меуш Г.* Гуцульські світи. Лексикон. Львів, 2013.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Дукова 2015 — *Дукова У.* Наименования демонов в болгарском языке / Отв. ред. И. А. Седакова. М., 2015.
- ЕСУМ 5 — *Етимологічний словник української мови*. Т. 5. Київ, 2006.
- Зайцева 1975 — *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Дисс. канд. филол. наук. Минск, 1975.
- Иванов 2007 — *Иванов Вяч. Вс.* Балканские имена «вурдалака» и их происхождение // *Terra Balkanica/Terra Slavica*. К юбилею Т. В. Цивьян. Балканские чтения 9. М., 2007. С. 70–79.
- Иллич-Свитыч 1960 — *Иллич-Свитыч В. М.* Лексический комментарий к карпатской миграции славян (Географический ландшафт) // *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка*. М., 1960. Т. XIX. № 3. С. 222–232.

- Кабакова 1989 — Кабакова Г. И. Материалы по румынской демонологии // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София 30.VIII.1989 г. — 8.IX.1989 г. Проблемы культуры. М., 1989. С. 161–164.
- Клепикова 1982 — Клепикова Г. П. К проблеме стратификации романских заимствований в лексике языков балканской (resp. карпато-балканской) зоны // Общеславянский лингвистический атлас 1980 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1982. С. 56–86.
- Клепикова 1988 — Клепикова Г. П. Проблема «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвистической географии. 1. // Общеславянский лингвистический атлас 1983 / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1988. С. 93–105.
- Клепикова 1988а — Клепикова Г. П. Проблема «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвистической географии. 2. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985—1987: Сборник научных трудов / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1988. С. 121–129.
- Клепикова 1990 — Клепикова Г. П. Гипотеза В. М. Иллич-Свитыча относительно роли «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвогеографии // Конференция Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. Памяти В. М. Иллич-Свитыча. 6–9 февраля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990. С. 21–23.
- Клепикова 1994 — Клепикова Г. П. Мотив движения-полета в семантике карпато-балканского *striga* (*štriga*) // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. С. 94–99.
- Клепикова 1998 — Клепикова Г. П. Изоглоссы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала — типологический аспект // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 5. Актуальные проблемы славянской лингвогеографии. М., 1998. С. 168–265.
- Клепикова 2004 — Клепикова Г. П. Особенности румынского влияния на языки карпато-балканского ареала // Проблемы изучения межъязыковых влияний в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2004.
- Клепикова 2008 — Клепикова Г. П. К проблеме стратификации венгерских заимствований в карпатоукраинских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 203–212.
- Кузьменко 2011 — Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи. Лингвистика, археология, генетика. СПб., 2011.
- Левкиевская 1999 — Левкиевская Е. Е. Духи атмосферные // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 150–153.
- Левкович 2012 — Левкович Н. Жіночі демонологічні персонажі українців Карпат // Народознавчі зошити. 2012. Вип. 2. С. 261–267.
- Лизанец 1976 — Лизанец П. М. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межъязыковые связи. Будапешт, 1976.
- Мойсей 2006 — Мойсей А. О соотношении терминов *соломонар/градовник* в плювиальной практике румыноязычного населения Буковины // *Romanoslavica* XLI. 2006. С. 253–262.

- Можаева 1972 — *Можаева И. Е.* Библиографический указатель работ по украинским говорам карпатского ареала, опубликованным в СССР с 1946 по 1969 гг. // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972. С. 478–576.
- Можаева 1973 — *Можаева И. Е.* Вопросы интерференции языков и диалектов карпатского ареала в освещении советских ученых // Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.). Тезисы докладов и сообщений. М., 1973. С. 37–39.
- Можаева 1978 — *Можаева И. Е.* Аннотированная библиография работ по проблемам интерференции языков и диалектов карпатского ареала, опубликованных в СССР в 1973–1977 гг. // Справочно-информационные материалы по ОКДА. М., 1978. С. 115–130.
- Можаева 1989 — *Можаева И. Е.* Аннотированный библиографический указатель по проблемам карпатского языкознания // Лексика в ОКДА I. М., 1989. С. 164–169.
- Нимчук 1988 — *Нимчук В. В.* Карпатоукраинско-южнославянские языковые параллели и тождества (история и перспективы проблемы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984: Сборник научных трудов / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1988. С. 294–313.
- ОКДА — Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 1. Кишинев, 1989; Вып. 2. М., 1994; Вып. 3. Warszawa, 1991; Вып. 4. Львів, 1993; Вып. 5. Bratislava, 1997; Вып. 6. Budapest, 2001; Вып. 7. Београд; Нови Сад, 2003.
- Петрухин 2003 — *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М., 2003.
- Плотникова 2000 — *Плотникова А. А.* Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 243–258.
- Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 222–231, карты с. 658–676.
- Плотникова 2006 — *Плотникова А. А.* Народная мифологическая лексика на западе Южной Славии. Мотивы воздушной битвы // Ethnoslavica. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 65. Wien, 2006. S. 261–273.
- Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2013.
- Плотникова 2016 — *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
- Раденковић 2001 — *Раденковић Љ.* Митолошки господари градоносних об- лака. Словенске паралеле // Зборник Етнографског музеја у Београду. 1901–2001. Београд, 2001. С. 445–453.
- Раденковић 2009 — *Раденковић Љ.* Вампир — вукодлак — вѣрколак // Моћ књи- жевности. In мемуари Ана Радин / Уредник Мирјана Детелић. Балкано- лошки институт САНУ, Посебна издања 110. Београд, 2009. С. 279–286.
- РРС — *Болокан Г., Медведев Т., Воронцова Т.* Румынско-русский словарь. Dicționar Român — Rus. Москва; Бухарест, 1980.
- Санникова 1990 — *Санникова О. В.* Польская мифологическая лексика в этно- лингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.

- Свешникова 1979 — *Свешникова Т. Н.* Волки-оборотни у румын // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 208–221.
- Свешникова 1998 — *Свешникова Т. Н.* Оборотничество у румын: *bosorcoi* // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 2. С. 198–204.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Толстой 2003 — *Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества / Сост. и отв. ред. С. М. Толстая. М., 2003.
- Толстые 1981 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // *Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст.* М., 1981. С. 44–120.
- Толстые 1982 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье // *Обряды и обрядовый фольклор.* М., 1982. С. 49–83.
- Тяпкина 2006 — *Тяпкина Н. І.* Демонологічна лексика української мови. Дис. ... канд. філол. наук. Запоріжжя, 2006.
- Усачева 2008 — *Усачева В. В.* Этнокультурная и языковая интерференция в карпатском регионе // *Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой.* М., 2008.
- Хобзей 2002 — *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002.
- Шувалов 1998 — *Шувалов П. В.* Проникновение славян на Балканы // *Основы славянского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2 (славянские языки / Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого.* СПб., 1998. С. 5–28.
- Шустер-Шевц 1983 — *Шустер-Шевц Г.* Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // *Вопросы языкознания.* 1983. № 2. С. 33–50.
- EWU — *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen.* Herausgeber L. Benkő. Budapest, 1993.
- Birnbaum 1998 — *Birnbaum H.* The Issue of Balto-Slavic Revisited // *ПОЛУ-ТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова.* М., 1998. С. 126–133.
- Blagoeva-Neumanová 1976 — *Blagoeva-Neumanová T.* Eudová démonológia na Zamagurí v kontexte a v koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózna práca (Univerzita Komenského). Bratislava, 1976.
- Décsey 1959 — *Décsey Gy.* Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache. Wiesbaden, 1959.
- Dobrițoiu-Alexandru 2013 — *Dobrițoiu-Alexandru T.* Elemente lexicale românești în graiurile slovace și cehe din Moravia. București, 2013.
- Dobšinský 1880 — *Dobšinský P.* Prostonárodné obyčaje, povery a hry slovenské. Turč. S. Martin, 1880.
- EAS — *Etnografický atlas Slovenska. Mapové znázornenie vývinu vybraných javov ľudovej kultúry.* Bratislava, 1990.
- ELKS — *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska.* [Bratislava], 1995. T. 1, 2.
- Fraenkel 1962–1965 — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. B. I. Heidelberg; Göttingen, 1962. B. II. Heidelberg, 1965.

- Hadrovics 1967–1984 — *Hadrovics L.* Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1967–1984.
- Horehronie 1969 — Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1969.
- Káral — Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Slovensko-český diferenciálny. Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Káral a Mir. Káral. V Banskej Bystrici, 1923.
- Király 1957 — *Király P.* Latsny Adamus: Dictionarium saec. XVIII // Studia Slavica Academiae scientiarum Hungaricae. T. III. F. 1–4. Budapest, 1957. S. 59–107.
- Kott — *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. D. 1–7. Praha, 1878–1893 (<http://kott.ujc.cas.cz>).
- Krojej 2008 — *Krojej M.* Od Ajda do Zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Celovec; Ljubljana, 2008.
- LK 2 — Lidová kultúra. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska. 2. svazek / Hl. red. S. Brouček a R. Jeřábek. Praha, 2007.
- Machek — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 2010.
- Maryniakowa et al. 2014 — *Maryniakowa I., Rembiszewska D., Siatkowski J.* Różnojęzyczne słownictwo gwarowe Podlasia, Suwalszczyzny i północno-wschodniego Mazowsza. Warszawa, 2014.
- Moszyński 1967 — *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. T. 2: Kultura duchowa, cz. 1.
- Németh 2008 — *Németh M.* Zapożyczenia węgierskie w gwarze orawskiej i drogi ich przenikania. Kraków, 2008.
- Newerkla 2004 — *Newerkla S. M.* Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen. Frankfurt/M. et al., 2004.
- Pelka 1987 — *Pelka L.J.* Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987.
- Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894. I del. 1895. II del.
- Rocchi 1999–2010 — *Rocchi L.* Hungarian loanwords in the Slovak language. I (A – K). Trieste 1999. II (L – R), 2002, III (S – Ž), Supplement, 2010.
- Sborník 1927 — Sborník Matice Slovenskej pre jazykozpyt, národopis, dejepis a literárnu historiú. Martin. R. 5. 1927. № 3–4.
- Slovensko 1975 — Slovensko. D. 3. Ľud. II časť. Bratislava, 1975.
- Sobotka 2005 — *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. Sestavil. graficky upravil, Uvodom a doslovom opatřil Richard Sobotka. 2005.
- Tamáš 1966 — *Tamáš L.* Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest, 1966.
- Václavík 1930 — *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. Příspěvky k národopisné hranici Valašska, Slovenska a Hané. Luhačovice, 1930.
- Vážný 1955 — *Vážný V.* O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955.
- VSRS 5 — Veľký Rusko-Slovenský slovník. V. diel. Bratislava, 1995.
- Zíbrt 1894 — *Zíbrt Č.* Seznam pověr a zvyklostí pohanských z VIII. věku. Praha, 1894.